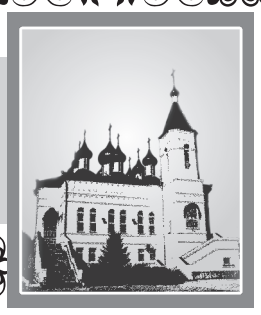
Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь №49 (337) 5 декабря 2015 г.

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК



Слово пастыря

Образованные миряне – это сила, слава и богатство Церкви. Если смотреть на Церковь только как на учреждение, которым заведуют священнослужители разных рангов – от высших до низших, а люди – это просто, так сказать, некий фон, массовка и зрители в зрительном зале, то, безусловно, мы натворим много ошибок и они уже, на самом деле, натворены в истории, потому что мысли эти посещали некоторые буйные головы, и так многим казалось.

Итак, Церковь в равной доле состоит из мирян и духовенства, и доли эти равны не в смысле количества – мирян больше, а в смысле общего царского священства. У нас есть некое общее царское священство. Мы – люди, взятые в удел, чтобы возвещать совершенство Того, Кто нас позвал из тьмы в чудный Свой Свет, и мы все с вами священники. Священство наше заключается в исполнении воли Божией, в молитве, творении заповедей, в близости ко Христу. Образованные миряне – это, повторяю, слава Церкви, и Первый Мирянин Церкви – это Господь Иисус Христос, Который Архиерей, конечно, вшедший со Своею кровью во святое святых, ходатайствующий пред Отцом за человечество, не имеющий нужды о Своих грехах приносить жертвы, а потом о людских, будучи безгрешен, бессквердный, отлученный от грешников, но Он же и Мирянин, потому что Он воссиял не от колена Левитского, а от колена Иудиного, которое не приближалось к алтарю и жертвеннику. Он священствует Собою, приносит Себя в жертву на кресте, совершает Голгофскую Мистерию – жертвоприношение за грехи всего человечества, но Он не Священник в традиционном классическом понимании. В классическом понимании, по образу жизни, Христос – Мирянин. И Он приходит в храм как простой человек, как мирянин, отдает должное священству и начальству как мирянин. Например, известное место из Евангелия от Матфея, где пришли сборщики на храм и Петра спрашивали: «А ваш Учитель даст подать?» Христос говорит: «Конечно, дам. Хотя мы свободные сыны, подати берутся с чужих. Однако заплатим, чтобы они не смущались». И Петр тогда поймал рыбу, нашел во рту у нее статир и отдал за себя и за Учителя. То есть Он платит подать, Христос подчиняется переписи, кстати, что очень важно. У нас столько копий было сломано по поводу разных переписей, разных кодов, разной подчиненности государству, мы в этом всем усматриваем некое антихристианское ущемление свободы – и правильно, здесь есть чего бояться. Но Христос, родившись, сразу подчинился переписи и, собственно, Его рождение в Вифлееме Иудейском произошло благодаря тому, что Мать поехала в Вифлеем и там подверглась переписи, встала на учет с Иосифом, и там родила Сына, Первенца, Единственного Своего, Спасителя Мира, о Котором сказал Ей Архангел: «Назовешь Его Иисус, Он спасет людей Своих от грехов их».

Итак, Христос – главный Мирянин Церкви, я это о том, что миряне ничем не умалены перед священством. Конечно, мирянин не может одеть на себя ризы, зайти в алтарь и отслужить службу, но мирянин имеет свой голос, свою веру, свою благодать, он крещен, миропомазан, он участник алтаря, таинств, жертвенника Нового Завета, к нему нужно прислушиваться, его мнение нужно считать, его молитва может быть чудотворной. Мы знаем множество людей из истории Церкви, которые не были посвящены в сан, однако они великие чудотворцы. Например, все великомученики известные – Георгий, Дмитрий, Варвара, Екатерина – это люди гражданского чина, к которым обращаются с молитвами и священники и архиереи, достойно и праведно считая их выше себя. Поэтому наступило время, чтобы наши миряне были как можно более образованы, чтобы они знали Литургию. Что, собственно, нужно учить? Учить нужно сначала Литургию – службу: из чего она состоит, как она располагается, как она слагалась, какие исторические этапы она прожила в своем формировании – чтобы вам служба была понятна и любима, чтобы она пролетала мимо вас как весенний ветерок, чтобы вы не томились на службе, а любили ее и наслаждались в ней как рыбы в море. Потом, безусловно, нужно изучать Священное Писание, которое является сердцевиной церковного сознания и духовной жизни. Писание – это бьющееся, непрестанно сокращающееся сердце, качающее кровь по организму. Литургика, Писание, потом, пожалуй, церковная история – для того, чтобы понять масштабность Божиего промысла на обширных исторических пространствах: как Бог действовал с народами, церквями, царствами, империями, как Он действовал в отдельной жизни и в жизни целых поколений – чтобы таким орлиным взглядом обозреть это громадное поле церковной истории и напитаться уверенностью в том, что Бог командует миром. Миром командует, дорогие братья и сестры, Бог и только Бог. Этот тезис оспаривается: сегодня люди говорят, что миром правят – если Бога в учет не брать – любовь, страх и голод. Можно тасовать эти три понятия – что-то первое, что-то второе, что-то третье. С Богом начинается несколько другое, потому что уже появляется любовь Божия, страх может исчезнуть, если есть настоящая вера – настоящая любовь изгоняет страх, голод преодолевается и возникает голод по Богу, и человек способен не только ради куска хлеба, а ради Иисуса уже что-то делать в своей жизни. Современная жизнь стоит на том, что миром правят транснациональные корпорации, секс и деньги. Это нам постоянно и всюду вдалбливается в голову, что как бы две вещи движут человечеством – прибыль и наслаждения. В грубой форме – секс и деньги. На самом деле правит миром Бог, и изучающий историю человек видит это очень ясно. История нужна хотя бы для того, чтобы понять, что Господь – Хозяин истории, что все в мире происходит под Его руководством, под Его тонким управлением, и это волнующееся море разных жизней направляется в нужное время в нужное место благодаря Его руке.

И вот миряне, которые изучают литургику, Священное Писание, историю Церкви, догматику, пасторскую психологию и т.д., способны составить некий такой авангард проповедников и благовестников. Мне совершенно понятно, что священство само не справится с этой задачей, а священство вместе с мирянами – справится. У нас, например, если сравнить количество крещеных людей и количество ходящих в Церковь людей – регулярно молящихся, то у нас получится, что количество крещеных будет миллионов сто, а количество молящихся будет миллионов пять. Я, конечно, не утверждаю, что пропорции именно таковы, они могут меняться, но в любом случае количество крещеных гораздо больше, чем количество молящихся. И сокращение пропасти между крещеными и молящимися, превращение просто крещеных в молящихся, превращение людей, которые просто с крестиком ходят в людей, которые посещают богослужения, читают Слово Божие и пытаются жить по этому Слову – это одна из серьезных задач, которую духовенство само не исполнит. Нам нужна помощь мирян, нам нужна активная помощь простого Божиего народа, простых верующих людей независимо от возраста. Иногда старенькая бабушка, уже согнувшаяся от прожитых лет, может сделать больше, чем молодой человек, полный физических сил и духовной энергии.

Пользуясь случаем, переходим к следующей теме, которая внутри этой темы. Церковью совершается память благоверных князей Даниила Московского и Александра Невского. А это кто такие? Это, собственно, миряне, которые сыграли свою великую роль в христианизации Руси. Вообще, некоторое время после крещения Руси священство у нас было только иностранное, только греческое. Известно, что только Ярослав Мудрый озаботился подбором кадров для будущего священства и стал забирать смышленых мальчишек из семей для того, чтобы учить их грамоте и, возможно, потом выращивать из них, воспитывать будущее духовенство. Мамки и папки отдавали своих детей в книжную науку с такими слезами, как будто они отдают их на верную смерть: они их оплакивали как покойников, и с большими слезами отправляли учиться. А до этого у нас священствовали греки, сирийцы. И в наших церквах, которые строились по всей Руси, не было своих священников какое-то время. Это же нужно воспитать, научить, образовать, чтобы человек мог раскрыть служебник, раскрыть Евангелие, почитать, пропеть, понять, проповедовать, рассказывать, таинства совершать. Откуда их взять? Мы же были темные. Так вот греки по церквам нашим «куролесили». Самое известное выражение из церковного обихода – это «Кирие элейсон» – «Господи, помилуй» по-гречески. Оно поется на службе один раз, три раза, девять раз, двенадцать раз, сорок раз. И вот греки пели: «Кирие элейсон, Кирие элейсон, Кирие элейсон…» Наши говорили: «Чего там греки делают?» – «Куролесят». Т.е. как бы служба была людям абсолютно непонятна. И тогда самые грамотные миряне – это были князья. Князья были неизбежно грамотны более чем миряне, потому что при княжеском дворе был собор, был епископ, епископ больше всего общался с князем и его челядью – его приближенными, военачальниками, боярами. Князь был грамотен по необходимости, неизбежности, он должен был быть грамотней своих людей: он должен был читать, думать, рассуждать, подписывать какие-то указы, составлять какие-то законодательные акты, подобные, допустим, «Русской Правде» Ярослава Мудрого и т.д. Я все это говорю к тому, что долгое время после крещения Руси большие массы народа были никак не просвещены, и самой просвещенной частью русского народа были князья. Оттого у нас так много святых князей. Первые, вообще, канонизированные общепризнанные святые Русской Церкви – это Борис и Глеб, которых, без всякого сомнения, приняла как святых Константинопольская Церковь-Мать. В Константинополе даже не сомневались, что они святые, хотя могли быть вопросы. Все-таки убили их не язычники, не магометане какие-нибудь, не чухна, ни кто-нибудь еще – убили свои родные крещеные братья-князья. Однако их поведение пленило сердца всех, кто узнал о них. Потом – Владимир, Ольга, страстотерпец Игорь Черниговский, князья Ярославские, князья Костромские, князья Смоленские, князья Новгородские, князья Муромские, князья, наконец, Московские. Это была такая великая жатва святости от образованных сильных мирян, которые садились на коня, вели перед собой войско, которые во дни мира правили и судили и рядили, наказывали виновных, миловали кающихся, которых, между прочим, с большой степенью свободы и дерзости, переходящей в наглость, наши люди выгоняли вон из своих уделов и княжений.

Например, Александра Невского несколько раз новгородцы выгоняли вон из Новгорода, а потом когда шведы подступали, тевтонцы подступали, еще какая-то беда подступала, они посылали посольство к нему, говорили: «Прости нас, князь. Мы глупые, дурные, а ты хороший. Вернись, защити нас». И он скреплял сердце, возвращался и делал то, что нужно. Потом проходило какое-то время и они опять его выгоняли. Т.е. они терпели массу злоключений от своего подвластного народа.

Так вот, мы прославляем память и Александра Невского и сына его – Даниила Московского. Это отец и сын. Александр Невский, не нуждающийся в особой рекламе – это известнейший человек, «Солнце земли Русской» – как его называли в свое время, и его сын Даниил Московский, который славен тем, что получил в удел никому не нужный, ничего не значащий, совершенно не важный, похожий на деревню городочек под названием Москва. Обычно люди, получавшие в удел такие ничтожные вотчины, всячески старались расширить пределы своих владений, засматривались на соседские земли, не стеснялись обнажить меч против брата или друга, или свата, или родственника, находящегося рядом, смело вступали в борьбу и проводили всю жизнь в борьбе за власть и за улучшение своих, так сказать, жилищных условий. Даниил, в отличие от множества таких как он князей, получил эту Москву со спокойной душой, понял, что это воля Божия, поселился на Москве, построил там монастырь в честь своего покровителя небесного Даниила Столпника, и не стал никуда лезть: не стал обнажать меч на братьев, не стал воевать, спорить, связываться, заниматься тем, чего от него не просят. Он обратил внимание на внутреннюю жизнь, стал много молиться, читал, думал, редко-редко воевал – не хотел воевать. И вот постепенно эта мудрость, это незлобие, это желание устраниться от суеты и молвы, желание решить миром любое дело, нежелание лить кровь за мусор – за власть, за деньги – за все то, что человек оставит потом на земле, с собой не заберет, легло в основание величия города Москвы. Гляньте сейчас на город Москву: на самом деле, это ведь не город, это целая страна. Это огромнейший мегаполис, который уже перемолол внутри себя и французов, и на подступах к себе разгромил самую сильную армию мира – Вермахт немецкий. Это город, который родил множество святых и праведных людей, это город, который как любой мегаполис насыщен сегодня всеми грехами и соблазнами, в котором крутятся огромные деньги, в который приезжают и уезжают миллионы людей ежедневно, в котором непонятно, вообще, сколько народу живет, это целая страна настоящая. Но величие этого города, без сомнения, величие его вклада в историю и его место в истории – оно родилось еще тогда, когда скромный князь Даниил поселился в этом городке Москве и там стал проводить смиренную тихую жизнь, не желая себе ничего лучшего, будучи довольным тем, что Бог дал.

Это я говорю к тому, что в корнях всего великого лежит нечто маленькое и незаметное. Хочешь нечто великое достичь – не стремись достигать великое сегодня, начни с чего-нибудь маленького, помолчи, посиди, подумай, почитай, помолись, поплачь. Из таких незаметных вещей, которые вообще никому не заметны, на самом деле, кроме тебя самого и Бога – поплакать, помолиться, подумать, почитать – подумаешь! – и что из этого может вырасти? Из этого вырастает нечто очень большое, как из маленького желудя вырастает огромный дуб.

Возьми в руку желудь, посмотри на него, потом посмотри на дуб, сравни их между собой. Что общего между этим маленьким желудем, который в ладони помещается, и таким огромным деревом? Как что общего? Именно из этого желудя этот дуб и вырос. Из такого незаметного маленького вещества вырастает нечто огромное, великое, на что даже задравши голову посмотреть страшно.

Точно так же в жизни все вырастает из незаметного и маленького. И спортивные победы куются в смиренных спортзалах: незаметно, преодолевая боль и усталость, какой-нибудь молодой настырный спортсмен кует будущие медали свои. И великие открытия куются и производятся в маленьких лабораториях: физических, химических, математических – где какой-нибудь одаренный молодой ученый ночь не спит, а сидит над формулами, что-то пишет, а потом оттуда вырастает нечто великое. В монашеских кельях, где смиренный человек стоит перед образами на коленях и читает какие-то тексты, какие-то молитвы, вырастает великая святость, которая потом греет и питает целые поколения. Все великое вырастает из маленького. И тот, кто пренебрегает маленьким, тот никогда великого не сделает. Он не достигнет, не построит, не создаст, не сможет воплотить ничего большого и грандиозного, потому что большое вырастает из маленького.

Протоиерей Андрей Ткачев

«Райские хутора» и другие рассказы священника Ярослава Шипова

Продолжение. Начало в № 20 (308)

Послужил я молебны, погонял кропилом распоясавшихся домовых, да и в обратный путь на тягаче-лесовозе. Тут вспомнил вдруг про жену директора и осторожно поинтересовался у водителя о ее судьбе. Оказалось, что дело завершилось самым чудесным образом: очередной тогдашний рентген не обнаружил ничего необычного. То есть на снимке, сделанном за три дня до того в районной больнице, необычное было, а на новом – не было…

Доктора прогнали ее как симулянтку. Счастливая, она вернулась домой и всем показывала рентгеновские снимки, засвидетельствовавшие совершение чуда. С тех пор она благополучно здравствовала и жила вполне припеваючи.

Однако через некоторое время нам с ней довелось встретиться снова, и обстоятельства этой встречи были печальными. Оказалось, что прежнее необычное опять явилось из небытия, бедолаге сделали операцию, но неудачно, дела шли хуже и хуже, и врачи уже не умели помочь. Я спросил, отчего ж она не заехала в храм перед операцией? Отвечает: думала, что теперь и без этого все нормально будет. Начинаю служить молебен, вижу – она крестится слева направо.

– Ты, – говорю, – с тех пор ни разу и не помолилась?

– Нет.

– И ни разу Бога не поблагодарила за чудесное исцеление?

Мотает головой.

Тут уж старушки мои не выдержали:

– Ну, хоть в городе-то, когда узнала про чудо, свечку поставила?

– Нет.

– Там ведь храм – рядом: из больницы выходишь – и вот он, мимо не пройдешь…

Прошла, прошла мимо…

– И батюшка там хороший – он к нашему батюшке в гости иногда приезжает, на рыбалку, и они тогда вдвоем служат… А отец диакон там голоси-истый – тоже иногда к нашему батюшке приезжает, тогда уж у нас такие службы, такие службы!..

И они взялись растолковывать страдалице свои соображения, что чудо то свершено было даже не ради ее самой, а скорее ради ее ребятишек, которые непременно сгинули бы.

– Мужик бы без тебя спился – там, в лесопункте вашем, ему и хозяйки никакой не найти.

– Спился бы, – легко соглашалась женщина, – он и так спивается.

– Это тебе по молитвам Матушки Богородицы, деток твоих пожалевшей, чудо такое было подарено, а ты – ни разу даже и лба не перекрестила… Теперь, конечно, опять помолиться надо бы, а стыдно пред Господом – до невозможности, аж жуть берет. Как, батюшка?..

После молебна женщину опять повезли в город. С тех пор никогда более я ее уже не встречал.

Летят утки

Поздней осенью ехали на редакционной машине в отдаленное село. Если весь наш район – глухомань, то это село – глушь внутри глухомани. Туда не всякий месяц и попадешь, да если и попадать, – ехать надо на большом вездеходном грузовике. Грузовика такого в редакции местной газеты, понятное дело, не имеется, есть только разбитый уазик, добираться на котором до этого хозяйства затруднительно, и потому поездку все откладывали да откладывали. Наконец полное замалчивание событий, происходящих в глуши, вышло за рамки приличия, и редакция отрядила машину, чтобы узнать, чем там закончилась уборочная кампания.

По дороге захватили меня – редакционный шофер знал, что я давно ожидаю такой оказии. Кроме старого водителя, человека известного и уважаемого в здешних краях, ехал корреспондент – человек тоже известный. Прежде он исключительно сильно пил, превосходя в сем занятии едва ли не всех земляков. Потом, с медицинской помощью, пить перестал, но двинулся соображением ума: стал собирать митинги, требовать свободы слова и прав человека.

Это было вполне в духе нового времени, и его взяли в газету, на страницах которой он с тех пор регулярно печатал призывы к расширению всевозможных свобод. Жил он, я знаю, с мамой – кто ж еще с таким человеком станет жить?.. Но и мама, похоже, терпела его с трудом.

– Вот скажите, – обращается он ко мне, – на каком основании она может говорить, что было бы лучше, если бы я спился, – представляете?..

– Конечно, лучше, – подтверждает шофер, – раньше ты хотя бы добродушный был, а теперь – остервенел, как цепная собака.

– Я не остервенел, я – прозрел и увидел, что свободы нет, и начал бороться за свободу.

– Хохлушек-шабашниц в голом виде нафотографировал, наш редактор-дурак альбомчик издал, и торгуете теперь этой пакостью – тьфу!..

Действительно, в книжном магазине стала продаваться брошюрка с фотографиями обнаженных девушек, стоящих возле стога с соломой, причем на моделях были резиновые сапоги: то ли стерня кололась, то ли ноги от босого стояния на земле попросту мерзли, однако все они – в сапогах…

– Это же замечательно, как ты не понимаешь: свобода совести – раз; свобода печати – два; и свобода предпринимательства – три… Между прочим, – снова обращается он ко мне, – мать ходит к вам в церковь, так вы там вразумите ее: она, видите ли, говорит, что устала от жизни и ждет не дождется, когда Господь заберет ее. Насколько я понимаю, это еретичество…

– Замучил старуху, – вздыхает шофер.

– При чем тут?.. Я уж и так утешаю ее, утешаю: живи, говорю, что хорошего на том свете? А она: «Там хоть демократов нет», – такая отсталость…

Между тем дорога делается все хуже и хуже – большие грузовики разбили ее, превратив колеи в канавы. Машинка наша с трудом преодолевает метр за метром, потом вдруг начинает крениться и наконец вовсе заваливается на левый бок. Откинув правую дверцу, которая оказалась теперь над нашими головами, мы выбираемся вверх и рассаживаемся, свесив ноги в разные стороны. Поначалу обсуждаем случившееся, потом – свои перспективы и тут только замечаем корову и лошадь, спокойно бредущих мимо нас вдоль кромки леса.

– Что это? – испуганно шепчет корреспондент.

– А-а! – обрадованно угадывает водитель. – Это председателева скотина! Мне рассказывали, что у него молодая лошадка ходит пастись вместе со старой коровой. Ходят самостоятельно, а смысл у них вот в чем: лошадь – она пошустрее, ищет вкусное пропитание, а как найдет – призывает корову. А корова – поопытнее, поосторожнее, лошадке при ней не так боязно. Волков нынче здесь, видно, нет – зимой, конечно, появятся… Гляньте-ко, гляньте: заинтересовались…

Лошадь смотрела на нас доверчиво и по-детски беспечно, но временами поворачивала морду к старшей подруге, которая, похоже, пребывала в раздумье и сложных сомнениях. Потом корова хмыкнула, и обе животинки, разом потеряв к нам всякий интерес, побрели себе дальше.

– Нынче, говорят, цыгане пытались лошадку украсть, а корова взбесилась, повозку цыганскую разметала, а потом обе с лошадкою и удрали. Они как-то понимают друг друга: корова, говорят, мыкнет – лошадь бросается убегать, по – другому скомандует – та останавливается, а язык вроде разный… А то вот еще весной как-то видел, когда вся птица на север тянется: летят, значит, утки и два гуся… Прямо как в песне. Только ведь утки эти летели клинышком, а гуси – крайними в том же клину. Гуси обычно побыстрее уток летают, а эта парочка – ослабели, видать. И вот стою и смотрю: им приходится перестраиваться, и как-то по – особому, – здоровенных этих птиц надобно куда-то приткнуть, чтобы от них не было неудобства, и идет разговор: одни крякают, другие гагакают, – как же это они понимают друг друга? И потом: надо же еще знать, что эти утки летят точно туда, куда и гусям определено, – на то самое место в тундре. Может, они и на свет появились в соседних гнездах, а теперь вот опознали друг дружку среди миллионов птиц… Ты вообще как к свободе передвижения относишься? – спросил он корреспондента.

– Положительно, конечно, а что?

– Если лошадь с коровою здесь пасутся, значит до деревни недалеко: сходи-ка, паря, за трактором… Да не обижайся, господин демократ: просто мне бы желательно находиться рядышком – вдруг какая-нибудь машина объявится…

Водитель был прав: подъехала машина связистов, они выдернули нас, и мы добрались до села прежде, чем корреспондент разыскал трактор.

О нашем приезде народ был заранее предупрежден по телефону, и я сразу направился в клуб, где должны были по моей просьбе согреть воды для крещения. Воды наготовили целую бочку, но вот людей – не было.

– Денег, – объясняют, – в селе нет. Ни единой копеечки…

Пришлось кого-то отправить в детский сад, кого-то – по домам, собирать взрослых, хотел еще кого-нибудь сгонять в школу, но тут наш шофер говорит:

– А пойдемте, батюшка, в школу сами…

И заходим мы в покосившуюся одноэтажную хоромину: коридорчик, а из него три или четыре двери в классы. Подошли к одной двери, прислушались – тишина. Осторожненько отворяем: небольшая комнатка с дюжиной пустых парт, в углу топится печка – голландка – вся в трещинах, через которые кое-где выползает дымок…

Возле открытой створки сидит на скамеечке учительница в накинутом на плечи пальто и читает троим жмущимся к огню ребятишкам «Бородино» Лермонтова…

Она читает, читает – монотонно так, а они хотя и посматривают иногда в нашу сторону, но нисколько не удивляются, да и вообще не реагируют никак – будто не видят…

Мы подходим ближе. Учительница перестает читать, но головы не поднимает: сидит молча, словно в прострации. Спрашиваем, сколько учеников в школе.

– Всего – двадцать девять, – тихим голосом отвечает она, – но семнадцать – больны, и на занятиях присутствуют только двенадцать.

– Вы не будете возражать против крещения детей? – спрашиваю я.

– Мы не будем возражать ни против чего, – отвечает она почти шепотом, так и не поднимая глаз.

В тот день крестились человек семьдесят. Потом отслужили еще водосвятный молебен и панихиду, потом несколько человек впервые в жизни исповедовались…

Наконец мы поехали обратно. Корреспондент начал рассказывать про опустевший коровник, плачущих доярок, переломанные трактора…

– Ты дояркам-то насчет свобод все растолковал? – поинтересовался водитель.

– Ирония тут неуместна: реформы требуют жертв.

– Жалко, батюшка рядом, иначе – прибил бы тебя, то-то была бы подходящая жертва…

Далее мы молчали. Сложный участок благополучно объехали стороной, выбрались на трассу, но когда машина, зашелестев по асфальту, успокоилась, шофер негромко затянул:

– Ле-э-тя-ат у-ут-ки-и, ле-э-тя-ат у-ут-ки-и…

– И-и два-а гу-у-ся-а, – не удержался я.

Так всю дорогу мы с ним вдвоем и пели.

Александр

Познакомились мы с ним на празднике, случившемся из-за шестидесятилетия местного гармониста. Игрец этот был известен в области, а потому устроили большой праздник, на который приехали другие знаменитые виртуозы трехрядок и балалаек, а за ними – питерские документалисты, снимавшие значительное кино. Режиссера звали Александром, по причине молодости даже Сашей. Несмотря на праздничную суматоху, между нами быстро установились совершенно доверительные отношения.

Гулянье происходило на высоком берегу темноводной реки, неподалеку от братской могилы продотрядовцев, которые некогда с таким самозабвением увлеклись поисками зерна, что были заперты в каком-то амбаре и сожжены.

Гармонисты шпарили и наяривали, певуньи взвизгивали, плясуньи притоптывали. День был солнечный, теплый: для съемок – милейшее дело…

– Что же мы за страшный народ такой? – сказал режиссер, глядя на обелиск. – Свои своих пытались ограбить… но свои сожгли своих заживо… А потом другие свои этих своих, наверное, казнили, а третьи свои казнили других своих… Жуть какая-то… Ну почему же это мы все время против своих?..

Продолжение следует

Отечник

Авва Вениамин, пресвитер из Келлии, рассказывал: «Пришли мы в скит к одному старцу и хотели дать ему немного масла, но он сказал нам: «Вот где лежит малый сосуд, который вы принесли мне три года тому назад, как вы положили его, так он и остался». Услышав это, подивились мы добродетели старца».

Однажды брат пришел к авве Пимену и говорит ему: «Что мне делать, отец? Меня мучает блудный помысл. Ходил я к авве Ивистиону, он сказал мне: «Не позволяй этому помыслу долго оставаться в тебе». Авва Пимен отвечает брату: «Авва Ивистион, дела его высоки, он — с Ангелами и не знает, что у нас с тобой есть блудные помыслы. Если монах будет воздерживать свое чрево и язык и будет жить как странник, то, поверь, он не умрет».

Во время болезни подвижник Глинской пустыни монах Петр почти не принимал пищи, и накануне смерти у него появился было аппетит. Тогда многое ему предлагали, он отказывался: «Все роскошное предлагаете», — говорил он. — «Батюшка, скушайте яйцо». — «И это роскошь, и за это отвечать придется». — «Чем кормить вас, батюшка?» «Кулеш есть?» — спросил отец Петр. — «Есть». — «Из котла?» — «Да». — «Это я люблю, за это отвечать не буду». Покушал немного. Прошло несколько часов, ему еще предлагают. «Надо иметь воздержание», — сказал больной. В чай ему положили варенья. Подвижник посмотрел на стакан и сказал: «Чадо, помяни, яко восприял еси благая в животе твоем». Чай остался невыпитым...

Православный календарь

6 дек., вс. – Неделя 27-я по Пятидесятнице. Свт. Амфилохия, еп. Иконийского (после 394). Свт. Григория, еп. Акрагантийского (VI-VII). **Блгв. вел. кн. Александра Невского, в схиме Алексия (1263). Свт. Митрофана, в схиме Макария, еп. Воронежского (1703).**

7 дек., пн. – Вмц. Екатерины (305-313). Вмч. Меркурия (III). Мч. Меркурия Смоленского (1238). Мц. Августы, мчч. Порфирия Стратилата и 200 воинов (305-313). Прп. Меркурия, постника Печерского (XIV). Прп. Симона Сойгинского (1562). Прп. Мастридии девицы.

8 дек., вт. – Отдание праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. Сщмчч. Климента, папы Римского (101), и Петра, архиеп. Александрийского (311).

9 дек., ср. – Прп. Алипия столпника (640). Освящение церкви вмч. Георгия в Киеве (1051-1054). Свт. Иннокентия, еп. Иркутского (1731). Прп. Иакова отшельника Сирийского (457).

10 дек., чт. – Иконы Божией Матери, именуемой «Знамение». Знамение Пресвятой Богородицы, бывшее в Новгороде Великом (1170). Вмч. Иакова Персянина (421). Прп. Палладия Александрийского (VI-VII). Свт. Иакова, еп. Ростовского (1392). Блж. Андрея Симбирского (1841). Собор новомучеников и исповедников Радонежских.

11 дек., пт. – Мч. Иринарха и святых семи жен (303). Прмч. и исп. Стефана Нового (767). Свт. Феодора, архиеп. Ростовского (1394). **Сщмч. митрополита Серафима (1937).**

12 дек., сб. – Мч. Парамона и с ним 370-ти мчч. (250). Мч. Филумена (ок. 274). Прп. Акакия Синайского (VI). Сщмч. Авива, еп. Некресского (ок. 560). Прп. Нектария Печерского (XII).

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: http://pokrovka-tiras.narod.ru/

Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7, бут. 27. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!